

**Б. Б. Пак**

## К вопросу о дипломатических переговорах кануна русско-японской войны 1904–1905 гг.

Нарастание напряженности на Дальнем Востоке вызвало новый всплеск дипломатической активности России и Японии. С середины 1903 г. между ними прошла серия переговоров, в ходе которых Россия, стремившаяся предотвратить вооруженное столкновение с Японией с вероятным вмешательством великих держав в ее поддержку, шла на новые уступки. Японская же сторона предъявляла заведомо недопустимые для российской стороны предложения, носящие характер ультиматума.

Причиной неуступчивости японской стороны на переговорах о заключении нового соглашения с Россией, по мнению посланника в Японии Р.Р. Розена, могли быть:

1. Полная готовность японской армии и флота при видимой неготовности противника;
2. Громадный перевес в силах на стороне Японии при незначительности высылаемых из России подкреплений, слабой провозоспособности Сибирской и Маньчжурской железных дорог;
3. Сведения о настроениях русского общественного мнения, которое не чувствовало активной политике русского правительства в столь отдаленной части света;
4. Расчет на помощь Китая, с которым Россия только что прекратила дальнейшие переговоры;
5. Приостановившееся очищение Россией Маньчжурии. Япония начала указывать, что у Японии в Маньчжурии широкие и весомые права и интересы<sup>1</sup>.

12 августа 1903 г. японский посланник С. Курино вручил министру иностранных дел России документ с изложением основных принципов соглашения между Японией и Россией. Смысл японских намерений сводился к тому, чтобы в переговоры с нею была введена и Маньчжурия. Между тем Россия упорно стояла на том, что она не допускала ранее и не будет допускать и впредь какого бы то ни было вмешательства Японии в этот вопрос.

Решительно выступил против японского проекта соглашения Р. Розен. Советуя не уступать установленным принципам по маньчжурскому вопросу, он рекомендовал предложить японской стороне полное разграничение сфер интересов России и Японии. «Соглашение на этом основании, — доносил он в Петербург 24 октября (9 ноября) 1903 г., — могло бы состоять всего из трех пунктов: взаимного признания Маньчжурии, совершенно стоящей вне сферы японских интересов и Кореи совершенно вне сферы русских; обязательства Японии не воздвигать на корейских берегах военных сооружений, могущих угрожать свободе плавания в Корейском проливе и заменить этим все прежние соглашения по корейским делам»<sup>2</sup>.

Столь же решительно отверг проекты Розена наместник на Дальнем Востоке<sup>3</sup>.

Переговоры затягивались. Только 11 декабря (28 ноября) 1903 г. Комура Дзютаро был вручен выработанный наместником Алексеевым совместно с Розеном ответный проект соглашения. В этом ответе значились следующие условия:

1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.
2. Признание Россией преимущественных интересов Японии в Корее и права Японии помогать Корее советами, в видах улучшения гражданского управления.
3. Обязательство России не препятствовать развитию промышленной и торговой деятельности Японии в Корее, и принятию мер для охраны этих интересов.
4. Признание Россией права Японии посылать войска в Корею в целях, упомянутых в предшествующей статье, или с целью подавления восстания или беспорядков, способных создать международные осложнения.
5. Взаимные обязательства не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и не предпринимать на корейской территории никаких военных работ, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе.
6. Взаимное обязательство считать территорию Кореи к северу от 39-й параллели за нейтральную полосу, в пределах коей ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войска.
7. Взаимное обязательство не препятствовать соединению Корейской и Восточно-Китайских железных дорог, когда эти железные дороги будут продолжены до Ялу.

8. Отмена всех прежних соглашений между Россией и Японией относительно Кореи»<sup>4</sup>.

Сличение этих и первых русских предложений показывает, что пункты 3, 4, 7 и 8 составлены по пунктам соответствующего содержания в японской редакции, а пункт 2 составлен согласно желанию японской стороны не ограничивать права Японии, содержащиеся в этом пункте, но зато в этот пункт не была введена требуемая японцами фраза о «военной помощи». Затем русское правительство, продолжая оставаться на прежней редакции пунктов 1 и 6, настаивало на взаимном обязательстве не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей и вновь отвергало пункты 7, 8 и 9 японского проекта, где шла речь о Маньчжурии. В тех же целях — не напоминать об этой области — опущен и пункт 7 русских предложений, где говорилось о признании Маньчжурии во всех отношениях вне сферы ее интересов.

16 (3) и 17 (4) декабря 1903 г. русские предложения были обсуждены на совете «Генро», на котором, кроме членов Совета Ито, Ямагата и Мацука-та, присутствовали и члены кабинета министров — министры иностранных дел, военный и морской, а также начальник главного штаба и его помощник. А 21 декабря Комура Дзютаро указал Розену «на коренное различие смысла территориальных порядков между первоначальными предложениями Японии и новыми встречными предложениями России». 23 (10) декабря 1903 г. Курино передал министру иностранных дел в Петербурге словесную ноту с объяснением причин, побудивших японское правительство продолжать включать в соглашение все области Дальнего Востока — «в видах устранения <...> всякой причины будущих недоразумений» — и с просьбой к российскому правительству фактически признать за Японией право подавать Корею советам и помощь и сформулировать эту статью следующим образом: «Признание Россией преобладающих интересов Японии в Корею и права Японии подавать Корею советам и помощь в видах улучшения управления Корейской империей». В пункте 5 русских предложений Курино предлагал убрать обязательство Японии, касающееся корейской территории и стратегических целей, и сформулировать пункт этот иначе: «Взаимное обязательство не предпринимать на корейском побережье никаких военных работ, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе». Курино передавал, что японское правительство предлагает исключить из текста соглашения пункт 6 о нейтральной зоне<sup>5</sup>.

Реакция в правящих сферах России на поправки японского правительства в русский текст соглашения от 11 декабря 1903 г. была однозначной. Министр иностранных дел В. Н. Ламздорф считал, что «во избежание крайне пагубного для России вооруженного столкновения было бы все же предпочтительнее продолжать переговоры с Японией, подыскав такую формулу соглашения, которая, не нарушая первостепенных интересов России, давала бы в то же время возможное удовлетворение вождениям японцев». Российский же посланник в Японии Р. Розен считал предложенные японцами поправки при тех «обшир-

ных уступках, которые сделаны русской стороной, несущественными, но горячо выступил против малейшей уступки <...> в вопросе о Маньчжурии». Еще дальше, чем Розен, пошел генерал-адъютант Алексеев, который считал, что новые японские предложения равносильны требованию от русского правительства формального признания протектората Японии над Кореей, признавал их неприемлемыми и потому полагал необходимым «подвергнуть всестороннему обсуждению интересы России в Корее в связи с маньчжурским и другими вопросами Дальнего Востока во всей их совокупности и тем установить дальнейший образ действий»<sup>6</sup>.

Желание наместника на Дальнем Востоке было исполнено, и 29 (16) декабря 1903 г. в Царском Селе под председательством государя императора состоялось Особое совещание. В совещании приняли участие великий князь Алексей Александрович, военный министр, министр иностранных дел и управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока.

На обсуждение Особого совещания был вынесен вопрос, где меньше риска войны с Японией: при продолжении переговоров или же при их прекращении. С общим докладом по этому вопросу выступил представитель «нового курса» дальневосточной политики, свиты его величества контр-адмирал Абаза. Решительно отвергнув японские предложения и заключив, что переговоры нужно прекратить, Абаза в докладе высказал убеждение, что в действительности Япония не желает войны<sup>7</sup>.

6 января 1904 г. (24 декабря 1903 г.) Р. Розен вручил японскому правительству третий ответ России на предложения Японии. Россия принимала пункт 2-й в той редакции, которую требовала Япония, но по-прежнему считала безусловно необходимым:

1. Сохранить первоначальное изложение статьи 5-й, на которое японское правительство еще раньше выражало свое согласие, т. е. взаимное обязательство не пользоваться никакой частью территории Кореи для стратегических целей, не предпринимать на побережье Кореи никаких военных работ, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе;
2. Сохранить статью 6-ю, относящуюся до нейтральной полосы для того, чтобы исключить все, что могло бы повести в будущем к недоразумениям.

В случае, если Япония примет эти условия, Россия готова включить в проектируемое соглашение статью такого содержания: «Признание Японией Маньчжурии и ее побережья стоящими вне сферы ее интересов, причем в пределах названной области Россия не будет препятствовать Японии, как и другим державам, пользоваться правами и преимуществами, приобретенными ими по действительным с Китаем договорам, за исключением устройства селтльментов»<sup>8</sup>.

Таким образом, в этом ответе Россия пошла на уступки Японии по вопросам, которые должны были устроить Японию, и ответ России мог послужить исходной точкой соглашения. Но и эти уступки оказались бесплодными, ибо Япония уже выходила на прямой путь к войне.

На необходимости сохранения в договоре нейтральной зоны по 39-й параллели для интересов России настаивали, в первую очередь, представители военного и морского ведомств. Управляющий Морским министерством генерал-адъютант Ф. К. Авелан в письме министру иностранных дел от 10 января 1904 г. призывал учитывать, что Северная Корея представляет из себя необычайно важную стратегическую позицию и потому ее следовало признать находящейся в сфере влияния России<sup>9</sup>.

В. Н. Ламздорф, видевший, что не было никакой надежды на принятие этой статьи японским правительством, опасаящимся, чтобы Россия, имеющая уже на берегах Ялу обширную концессию, сама не воспользовалась этой зоной для устройства в ее пределах операционной базы, в ответном письме Авелану от 12 января пояснял, что установлением, согласно 6-й статьи проекта, нейтральной зоны по 39-й параллели предполагалось именно преградить японцам движение на север Кореи.

На случай, если нельзя добиться установления нейтральной зоны, Ламздорф предлагал от нее отказаться<sup>10</sup>.

Что касается позиции российской стороны в ходе дальнейших переговоров с Японией, то на нее известное влияние оказала телеграмма Абазы на имя генерал-адъютанта Алексеева от 12 января 1904 (30 декабря 1903) г. относительно взгляда Николая II на дальневосточные дела. Взгляд государя был таков:

1. Для России каждый год мирного времени составляет огромную выгоду, поэтому надо приложить все усилия к тому, чтобы не было войны, но не путем уступок, которые и будут иметь результатом войну.
2. Политика твердая, но вежливая по форме, и не придиричивая в вещах несущественных лучше всего достигнет цели.
3. О Маньчжурии не допускать разговора ни с японцами, ни с кем другим. Это дело касается исключительно Китая и России. При этом, однако, Россия готова признать торговые интересы Японии и всех наций как можно шире и свободнее, но под русской эгидой и без сепаратизма.
4. Оккупация Кореи японцами не есть *casus belli*; и наоборот, даже выгодна для России, ибо, если Япония это сделает под протестом России, то Япония очутится в положении незаконно действующей страны<sup>11</sup>.

На другой день, после отправления приведенной телеграммы контр-адмиралу Алексееву, 13 января 1904 (31 декабря 1903) г. Комура Дзюгаро передал Р. Розену четвертый, или последний ответ японцев на русские предложения. Япония настаивала на своей редакции пункта 5 («Признание со стороны России исключительного права Японии подавать советы и помощь Кореи в интересах реформ и доброго управления, включая сюда и необходимую военную помощь») и на исключении всего пункта 6 о нейтральной зоне, расчленила предложенную русским правительством статью о Маньчжурии на три отдельных пункта, добавила сюда «обязательство со стороны России уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии» и «призна-

ние Россией Кореи с ее побережьем находящимися вне сферы ее интересов» и прибавляла еще в виде противовеса своим новым требованиям статью 4-ю следующего содержания: «Признание Японией специальных интересов России в Маньчжурии и права России принимать меры, необходимые для охраны этих интересов». Относительно статьи 5 русских предложений Комура Дзютаро писал Курино, что «утверждение в русском ответе, будто японское правительство согласилось с первоначальной редакцией статьи 5-й русских встречных предложений — ошибочно, ибо никогда подобного согласия императорским правительством выражено не было». В заключение Комура Дзютаро указывал Курино, что «императорское японское правительство надеется на скорый ответ от императорского российского правительства, ибо дальнейшее промедление в разрешении этого вопроса будет крайне неблагоприятно для обеих стран»<sup>12</sup>.

Тон высказываний японских дипломатов становился все более и более решительным, что говорило о том, что Япония готовится к решению обсуждаемых на переговорах вопросах военным путем.

28 (15) января 1904 г., во исполнение желания наместника на Дальнем Востоке<sup>13</sup> состоялось второе Особое совещание под председательством генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича и с участием военного министра, министра иностранных дел и управляющего морским министерством и управляющего делами Особого Комитета Дальнего Востока<sup>14</sup>. Совещанию предстояло окончательно выяснить вопрос: «Должны ли мы <...> согласиться на дальнейшие уступки, и <...> отдать всю Корею Японии или нам следует, наконец, остановиться на вполне определенной точке, далее которой в своих уступках мы уже ни в коем случае идти не должны».

Открывая совещание, великий князь Алексей Александрович отметил, что Токийское правительство не соглашается принять два условия из наших контрпредложений, а именно первую часть статьи 5-й, не позволяющую Японии пользоваться корейской территорией для стратегических целей, и 6-ю статью, об установлении нейтральной зоны. А между тем для нас статьи эти представляются самыми важными: в самом деле, предоставляя Японии проектируемым соглашением весьма широкие права и преимущества в Корее, мы должны в ограждение наших интересов положить известный предел их захватам на этом полуострове, необходимо определить в том или ином направлении полосу, далее которой японцы не имели бы права заходить»<sup>15</sup>. Совещание выработало тексты новой редакции 5-й и 6-й статей и пришло к заключению о необходимости представить императору записку Ламздорфа с наброском предложений и выработанный Совещанием проект 5-й и 6-й статей в качестве двух отдельных проектов ответных предложений<sup>16</sup>. Совещание остановилось на следующем тексте 5-й и 6-й статей:

«Статья 5. Взаимные обязательства не предпринимать на всем корейском побережье никаких военных сооружений. Гарантировать свободу плавания через проливы.

Статья 6. Взаимное обязательство считать территорию Кореи, лежащую к северу от 39 параллели, нейтральной зоной, в пределы которой Япония может вводить для поддержания спокойствия свои войска лишь по соглашению с Россией»<sup>17</sup>.

Не соглашаясь с такими изменениями 5-й и 6-й статей, В. Н. Ламздорф 31 (18) января 1904 г. представил императору всеподданнейший доклад, где писал: «...следует ожидать, что успех русского оружия будет иметь последствием вмешательство других великих держав для поддержки Японии, и в конце концов Россия станет перед дилеммой — борьбы с коалицией или отступлением, которое было бы особенно чувствительно для нас на Дальнем Востоке. <...> Вот отчего остаюсь до конца при своем мнении, что необходимо всячески предотвратить от нашего отечества это страшное бедствие, или, по крайней мере, отдалить его всеми возможными примирительными средствами.

С этой точки зрения едва ли может содействовать мирному разрешению настоящих недоразумений выработанный на совещании 15-го января проект 5 и 6 статей соглашения, возлагающих на Японию обязательства более тяжелые, чем те, о которых упоминалось в первоначальной редакции этих статей, не принятой еще Токийским правительством»<sup>18</sup>.

Доводы министра иностранных дел были приняты во внимание, и решения Особого совещания не были утверждены царем. И 2 февраля (20 января) 1904 г. В. Н. Ламздорф отправил генерал-адъютанту Алексеву для передачи Розену телеграмму, содержащую в себе последние предложения русского правительства:

«1.<...> Императорское правительство соглашается на исключение из проекта 6-й статьи, касающейся нейтральной зоны.

2. Ввиду предоставленного Японии 4-й статьей проекта права вводить войска в Корею для подавления восстаний или беспорядков является безусловно необходимым сохранить первую часть статьи 5-й русских контрпредложений, а именно слова: “не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей” <...>

3. Что касается, наконец, сделанных Токийским кабинетом поправок к статье о Маньчжурии, то интересы японцев в Маньчжурии вовсе не значительнее интересов других наций, и <...> не представляется достаточных оснований включить предложенные Токийским кабинетом дополнения в соглашение, специально касающееся корейских дел.

Тем не менее <...> императорское правительство выражает готовность включить в проект соглашения последнюю статью нижеследующего содержания:

“Россия будет уважать все права и преимущества, приобретенные Японией наравне с прочими державами по договорам с Китаем, причем Япония со своей стороны обязуется признавать Маньчжурию с ее побережьем стоящей вне сферы ее интересов”»<sup>19</sup>.

Все эти новые предложения русского правительства делали Японии новые уступки, на которые оно не шло раньше. Россия, отказываясь от статьи 6-й и от запрещения другим державам устраивать в Маньчжурии селтльменты, настаивала только на первой части статьи 5-й (обязательство не пользоваться корейской территорией для стратегических целей) и отказывалась включить добавленные лишь в последних японских предложениях обязательства:

1. Обязательство со стороны России уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии;
2. Признание сферы ее интересов;
3. Признание Японией специальных интересов России в Маньчжурии и прав России принимать меры, необходимые для охраны этих интересов.

Николай II утвердил содержание телеграммы Ламздорфа генерал-адъютанту Алексееву от 20 января 1904 г. Вместе с тем он поручил Ламздорфу передать Розену, чтобы он взамен выпущенной в проекте статьи 6-й попытался бы, предварительно сообщив токийскому правительству об отказе России от этой статьи, тем или иным способом склонить Токийский кабинет к подписанию особой секретной статьи, на основании которой на севере Кореи устанавливалась бы та же нейтральная полоса.

Отправив 2 февраля 1904 г. в Порт-Артур телеграмму Алексееву, Ламздорф 3 февраля отправил ему же для передачи Розену еще одну телеграмму, где сохранился полный текст последних предложений, сделанных Японией русским правительством, включая сюда и те статьи, по которым соглашение уже было достигнуто. Он состоял из следующих статей:

- «1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.
2. Признание Россией преимущественных интересов Японии в Корее и прав Японии подавать Корее советы и помощь, направленные к упорядочению управления Корейской империи.
3. Обязательство России не препятствовать развитию промышленной и торговой деятельности Японии в Корее и принятию мер для охраны этих интересов.
4. Признание Россией права Японии посылать в Корею войска для указанной в предыдущей статье цели для подавления восстаний или беспорядков, могущих создать международные осложнения.
5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью Корейской территории в стратегических целях и не предпринимать на корейском побережье никаких военных мер, способных угрожать свободе плавания и в Корейском проливе.
6. Россия будет уважать все права и преимущества, приобретенные Японией наравне с прочими державами по договорам с Китаем, причем Япония со своей стороны обязуется признавать Маньчжурию с ее побережьем стоящей вне сферы ее интересов.

7. Взаимное обязательство не препятствовать соединению Корейской и Восточно-Китайской железных дорог, когда эти дороги будут доведены до Ялу.

8. Отмена всех прежних соглашений между Россией касательно Кореи»<sup>20</sup>.

Подобная же телеграмма с текстом новых русских предложений была отправлена непосредственно в Токио на имя Розена, но эта телеграмма по распоряжению японского правительства была задержана на телеграфе в Нагасаки и доставлена Розену только 7 февраля, т. е. на другой день после того, как Курино сообщил Ламздорфу решение японского правительства прекратить переговоры и разорвать дипломатические отношения с Россией<sup>21</sup>.

Следует признать, что российская дипломатия обнаружила большую уступчивость, стремясь отсрочить назревание военного конфликта. Поэтому малоубедительными выглядят утверждения некоторых исследователей этой проблемы о том, что, если бы Россия приняла японские условия, то Япония должна была бы согласиться не нарушать суверенитета Кореи, и что война последовала чуть ли не только из-за того, что русское правительство отказывалось предоставить Японии свободу действий в Корее. Кстати, к заключительному периоду переговоров, как явствует из всего изложенного выше, российская сторона по корейскому вопросу пошла навстречу Японии почти по все пунктам. Единственное, чего добивалась дипломатия России при выработке всех соглашений, было сохранение без всяких изменений пункта 1: «Взаимное обязательство уважать независимость, территориальную целостность и неприкосновенность Корейской империи».

<sup>1</sup> Копия секретной телеграммы посланника в Токио от 19 октября 1903 г. К No 34 // События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне. Часть III. Последний год перед войной. Сост. Ген Штаба Ген.-Майор Симанский. Изд. Военно-Исторической Комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. С. 180.

<sup>2</sup> Делеша барона Розена от от 24 октября 1903 г. // Там же. С. 181–182.

<sup>3</sup> Делеша генерал-адъютанта Алексеева графу Ламздорфу от 2 (15) ноября 1903 г. // Там же. С. 182.

<sup>4</sup> Телеграмма Барона Комура г-ну Курино. Токио, 12 декабря 1903 г. // Маньчжурия и Корея. Английская синяя и Японская белая книга. 1901–1904. Издание канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб., 1904. С. 209; Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока (Документы Особ. Ком. Дальн. Востока). СПб., 1906. С. 23–24.

<sup>5</sup> От барона Комура г-ну Курино. Телеграмма. Токио, 21 декабря 1903 г. // Маньчжурия и Корея. Английская синяя и Японская белая книга. 1901–1904. С. 211.

<sup>6</sup> От генерал-адъютанта Алексеева Его Императорскому Величеству. Телеграмма. Порт-Артур, 13 декабря 1903 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока (Документы Особ. Ком. Дальн. Востока). С. 25.

- <sup>7</sup> Там же. С. 27–28.
- <sup>8</sup> Маньчжурия и Корея. Английская синяя и Японская белая книга. 1901–1904. С. 214–215.
- <sup>9</sup> Письмо управляющего Морским Министерством по Главному Морскому Штабу Ф. К. Авелана министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу от 10 января 1904 г. № 15 // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 444. Оп. 1. Д. 101. Л. 224.
- <sup>10</sup> Секретное письмо Ламздорфа Управляющему Морским Министерством от 12 янв. 1904 № 55 // ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 101. Л. 226.
- <sup>11</sup> Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока (Документы Особ. Ком. Дальн. Востока). С. 36–37.
- <sup>12</sup> Маньчжурия и Корея. Английская синяя и Японская белая книга. 1901–1904. С. 216–217.
- <sup>13</sup> Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока (Документы Особ. Ком. Дальн. Востока). С. 37.
- <sup>14</sup> Журнал состоявшегося по Высочайшему повелению особого совещания 15 января 1904 г. // События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне. Ч. III. С. 201; ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 105. Л. 166–172.
- <sup>15</sup> Там же. Л. 166 об.; Архив внешней политики Российской империи. Ф. «Китайский стол». Оп. 491. Д. 52. Л. 85.
- <sup>16</sup> Там же.
- <sup>17</sup> Там же. С. 201.
- <sup>18</sup> Особая всеподданнейшая записка Ламздорфа Николаю II от 31 (18) января 1904 г. // Там же.
- <sup>19</sup> От министра иностранных дел графа Ламздорфа генерал-адъютанту Алексееву. Телеграмма. С.-Петербург, 20 января 1904 г. Телеграмма № 1 // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока (Документы Особ. Ком. Дальн. Востока). С. 44–46.
- <sup>20</sup> От министра иностранных дел графа Ламздорфа генерал-адъютанту Алексееву. С.-Петербург, 21 января 1904 г. Телеграмма № 2 // Там же. С. 46–47.
- <sup>21</sup> См.: Пак Б. Д. Россия и Корея. С. 197–198; Нарочницкий А. Л., Губер А. А., Сладковский М. И., Бурлингас И. Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI века до 1917 г. М., 1973. С. 224–228.

### References

- GIPPIUS A. I. *O prichinakh nashey voyny s Yaponiyey* [On the causes of our war with Japan. In Russ.]. St. Petersburg, 1905. Dokumenty po peregovoram s Yaponiyey 1903–1904 gg., khranyashchiesya v kantselyarii Osobogo komiteta Dalnego Vostoka [Documents concerning negotiations with Japan, 1903–1904, kept at the office of the Special Committee for the Far East. In Russ.]. St. Petersburg, 1906.
- Manchzhuriya i Koreya. Angliyskaya sinyaya i Yaponskaya belaya kniga. 1901–1904* [Manchuria and Korea. English Blue Book and Japanese White Book. 1901–1904. In Russ.]. St. Petersburg, 1904.
- NAROCHNITSKIĬ A. L., GUBER A. A., NAROCHNITSKIĬ M. I., BURLINGAS I. YA. *Mezhdunarodnyye otnosheniya na Dalnem Vostoke. Kn. 1. S kontsa XVI veka do 1917 g.* [International Relations in the Far East. Book 1. From the end of the 16<sup>th</sup> century to 1917. In Russ.]. Moscow, 1973.
- ПАК В. Д. *Rossiya i Koreya* [Russia and Korea. In Russ.]. Moscow, 1979.
- Sobytiya na Dalnem Vostoke, predshestvovavshiyе russko-yaponskoi voine. Chast III. Poslednii god pered voinoi / sost. Gen. Shtaba Gen.-Maior Simanskiĭ* [Events in the Far East leading up to the Russo-Japanese War. In Russ.]. St. Petersburg, 1910.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ**

**Б. Б. Пак. К вопросу о дипломатических переговорах кануна русско-японской войны 1904–1905 гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 1. С. 128–139**

*Аннотация:* В настоящей статье освещен ход русско-японских переговоров 1903–1904 гг., анализируются позиции сторон, рассмотрены причины неуступчивости японской стороны на переговорах о заключении нового соглашения, изучена реакция в правящих сферах России на поправки японского правительства в русский текст соглашения, характер русско-корейских отношений накануне русско-японской войны. В центре внимания автора — ответственность Японии за развязывание войны, показ агрессивной политики Японии в Корее. Результаты: Проанализирована суть японских предложений, равносильных требованию от русского правительства формального признания протектората Японии над Кореей, показаны попытки японских представителей в Сеуле запугать корейского императора Коджона и навязать соглашение о назначении в Сеул японского резидента для руководства внутренней и внешней политикой для обеспечения за собой «морального права» на установление своего безраздельного господства на Корейском полуострове, обращения корейского императора за защитой и покровительством России, исследуется позиция российской стороны в ходе переговоров, исходившая из предпочтительности продолжать переговоры с Японией во избежание вооруженного столкновения, восприятие и оценка.

Материалы и методы: Статья основана на вновь выявленных архивных материалах и опубликованных источниках.

Выводы: Изучение истории показывает, что российская дипломатия обнаружила большую уступчивость, стремясь отсрочить назревание военного конфликта. К заключительному периоду переговоров российская сторона по корейскому вопросу пошла навстречу Японии почти по все пунктам, добиваясь лишь сохранения взаимного обязательства уважать независимость, территориальную целостность и неприкосновенность Корейской империи.

*Ключевые слова:* русско-японские переговоры, Николай II, император Коджон, Комура Дзютаро, С. Курино, Р. Р. Розен, А. А. Абаза, В. Н. Ламздорф, Е. А. Алексеев, С. Ю. Витте, А. И. Павлов, Ялущанское предприятие, Особые совещания при МИД, поправки, предложения, уступки, новый курс, Особое Наместничество на Дальнем Востоке, Особый Комитет Дальнего Востока, проект русско-японского соглашения, нейтральная зона, преобладающее влияние Японии в Корее, специальные интересы России в Маньчжурии, независимость Кореи, Россия, Япония, Англия, Северная Корея, Маньчжурия.

**FOR CITATION**

**B. B. Pak. On the issue of diplomatic negotiations on the eve of the Russo-Japanese war of 1904–1905 // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2023, pp. 128–139**

*Abstract:* This article highlights the course of Russian-Japanese negotiations in 1903–1904, analyzes the positions of the parties, examines the reasons for the intransigence of the Japanese side in the negotiations on the conclusion of a new agreement, studied the reaction in the ruling spheres of Russia to the amendments of the Japanese government to the Russian text of the agreement, the nature of Russian-Korean relations on the eve of the Russian-Japanese war. The author focuses on Japan's responsibility for starting the war, showing Japan's aggressive policy in Korea.

Results: The essence of the Japanese proposals, tantamount to a demand from the Russian government for the formal recognition of Japan's protectorate over Korea, is analyzed, attempts by Japanese representatives in Seoul to intimidate the Korean Emperor Gojong and impose an agreement on the appointment of a Japanese resident in Seoul to manage domestic and foreign policy to ensure the "moral right" to establish its undivided dominance on the Korean Peninsula, the request of the Korean emperor for the protection and patronage of Russia, the position of the Russian side during the negotiations is studied, based on the preference to continue negotiations with Japan in order to avoid an armed clash, perception and grade.

Materials and methods: The article is based on newly discovered archival materials and published sources.

Conclusions: A study of history shows that Russian diplomacy showed great pliability, seeking to delay the maturing of a military conflict. By the final period of the negotiations, the Russian side on the Korean question had agreed to meet Japan halfway on almost all points, seeking only to preserve the mutual obligation to respect the independence, territorial integrity and inviolability of the Korean Empire.

**Key words:** Russian-Japanese negotiations., Nicholas II, Emperor Kojong, Komura Jutarō, S. Kurino, R. R. Rosen, A. A. Abaza, V. N. Lamzdorf, E. A. Alekseev, S. Yu. Witte, A. I. Pavlov, Yalujiang enterprise, Special meetings at the Ministry of Foreign Affairs, amendments, proposals, concessions, new course, Special Viceroyalty in the Far East, Special Committee of the Far East, draft Russo-Japanese agreement, neutral zone, predominant Japanese influence in Korea, Russian special interests in Manchuria, Korean independence, war, Russia, Japan, England, North Korea, Manchuria.

*Автор:* **Пак, Белла Борисовна** — д. и. н., ведущий научный сотрудник, руководитель Кабинета (Лаборатории) истории и культуры Кореи Института востоковедения Российской академии наук.

*Author:* **Pak, Bella Borisovna** — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Cabinet (Laboratory) of Korean History and Culture of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

**E-mail:** pakbell7@gmail.com